

Н. К. Корсакова

**НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР:
НАСЛЕДИЕ А.Р. ЛУРИЯ И ЗАДАЧИ
РАЗВИТИЯ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ**

На основании анализа работ А.Р. Лурия, относящихся к различным периодам становления и развития нейропсихологии, выделяются основные направления дальнейшей разработки проблемы нейропсихологического фактора. Предлагаются возможные аспекты дифференцированного изучения структурных составляющих пространственного фактора в соответствии с его функциональной многозначностью в системном строении высших психических функций.

Ключевые слова: нейропсихология, нейропсихологический фактор, функциональная многозначность, симптом, синдром, пространственный анализ и синтез.

Based on the analysis of A.R. Luria's works belonging to different periods of the formation and development of neuropsychology, the author highlights the main directions in the future development of the problem of neuropsychological factors. The author suggests possible aspects of the differential learning of the structural components of spatial factor, in accordance with its functional multiplicity in the systemic structure of the higher mental functions.

Key words: neuropsychology, neuropsychological factor, functional multiplicity, symptom, syndrome, spatial analysis and synthesis.

Нейропсихологический фактор (НПФ) — один из ключевых предметов спора между нейропсихологами, относящими себя к школе А.Р. Лурия¹. Однако вне зависимости от подчеркивания «скорее физиологического» или «скорее психологического» содержания НПФ все диспутанты сходятся на том, что развитие нейропсихологии в теоретическом подходе к проблеме «психика и мозг» и в расширении представлений о механизмах формирования клинических синдромов при церебральной патологии требует дальнейшей разработки этого понятия.

Логично поставить вопрос о направленности такой разработки. Что необходимо: расширение и углубление содержания классических лური-

Корсакова Наталья Константиновна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* korsakova.nataly@gmail.com

¹ Разнообразие авторских подходов к определению понятия НПФ представлено в литературе; см., напр., комментарии рецензентов к статье Ю.В. Микадзе и А.А. Скворцова (2007).

евских типов НПФ или формирование новых принципов выделения НПФ как единицы в сочетанном рассмотрении психической деятельности и работающего мозга? В последнем случае нельзя исключить возможность выхода за пределы аналитического структурно-функционального подхода к высшим психическим функциям (ВПФ) (гнозис, праксис, память и т.д.), а также за пределы составляющих их звеньев.

Необходимо в который раз с благодарностью и восхищением сказать о прозорливости А.Р. Лурия. Избегая жестких определений и абсолютизации вводимых понятий (в том числе и понятия НПФ²), он оставил пространство созданного им научного и практического направления открытым для дальнейшего развития.

Во-первых, в концепции А.Р. Лурия факторы являются разновеликими по тем объемам проявлений психики, которые в них включены. В этой разновеликости представлены и такие неделимые по своему содержанию и церебральной локализации факторы, как, например, фонематический слух, и такие многослойные, как, например, регуляция движений и действий. В последний (все чаще обозначаемый как произвольная регуляция деятельности) входят многие субфакторы³: целеполагание, планирование и программирование действий, прогнозируемый образ результата, контроль за выполнением и т.д. Все перечисленные субфакторы соответствуют описанию полифункциональности лобных долей мозга, с работой которых связана произвольная регуляция активности. В луриевских работах многократно подчеркивалась сложность функционала лобных отделов мозга. Достаточно обратить внимание на описание вариантов именно лобного синдрома, а не каких-либо других (Лурия, 1966, 1969). Нельзя исключить, что своеобразным основанием для дифференциации структурных составляющих произвольной регуляции активности послужили единицы описания деятельности в концепции А.Н. Леонтьева, а также работы когнитивистов.

Весь накопленный к настоящему времени арсенал клинических и экспериментальных данных позволяет говорить о выявляемой в онтогенезе относительной самостоятельности перечисленных выше субфакторов произвольной регуляции, а также о парциальности нарушений одних субфакторов и сохранности других при патологии лобных долей (или при гипофронтальности). Имеются данные о соединении субфакторов в динамичные блоки при решении различных по степени конвенциональности задач. Дальнейшему исследованию мозговой организации НПФ произвольной регуляции деятельности с учетом его многослойности способствуют и новые технологии получения данных о работе мозга «in vivo».

² В книгах А.Р. Лурия слово «фактор» встречается редко, но основные идеи о перспективных поисках в отношении НПФ прямо или косвенно просматриваются.

³ Речь идет о взаимозависимости и динамической иерархии функционально объединенных составляющих НПФ.

Во-вторых, актуальность обращения к проблеме НПФ обусловлена необходимостью интеграции концептуального осмысления клинических и экспериментальных феноменов, выявляемых при поражении правого полушария мозга и при нарушениях в церебральных структурах, обеспечивающих межполушарное взаимодействие. В этом контексте значимыми представляются и социокультурные вызовы, в частности академический интерес к роли правой гемисферы в психике и поведении в связи с нейропедагогикой, с проблемами левшества, с увеличением влияния зрительно-перцептивных форм информационного давления среды на психическое отражение.

Системно-синдромное соединение симптомов, наблюдаемых при поражении правого полушария, не полностью коррелирует с верифицированной на моделях патологии левого полушария модульно-градиентной «картой» локального функционального вклада мозговых зон в психическую деятельность, хотя принцип работы левого полушария в горизонтальном векторе от лобных долей к затылочным наблюдается и в правом полушарии. Но межзональная специфика мозговых структур в правом полушарии перекрывается комплексной вовлеченностью разных отделов правой гемисферы в различные психические функции. К тому же, как было показано в работах, начатых еще при жизни А.Р. Лурия, модуль активности правой гемисферы, в отличие от левой, представлен в дихотомии «конвексальные—медialные» структуры (Московичуте и др., 1980). Из сказанного следует, что требуется поиск новых критериев для выделения НПФ, облигатных собственному вкладу правого полушария мозга в психическую деятельность.

Интересным и важным в этом смысле представляется высказывание А.Р. Лурия о том, что мнестические расстройства при поражении правого полушария проявляются «в памяти на субъективные состояния и непосредственную ориентировку в самом себе» (Лурия, 1974, с. 225). Не менее важным кажется и его указание на значимость массивности захвата патологическим процессом правополушарных структур для проявления расстройств памяти. Безусловно, речь идет не о массе мозга как таковой, а о более целостном по сравнению с левополушарным принципом работы правого полушария. Нельзя не добавить, что в книге о памяти было сказано о перспективе будущих исследований, направленных на описание мозговых механизмов мнестических расстройств при поражениях именно правого полушария мозга.

В качестве третьего луриевского посыла к разработке проблемы НПФ можно считать своеобразное расширение представлений о многозначности симптома нарушения какой-либо психической функции; о том, что сходные по внешним проявлениям симптомы могут возникать при поражении разных зон мозга. В одной из последних аспирантских работ, выполненных под руководством А.Р. Лурия, прозвучала мысль о многозначности не только симптома, но и синдрома. Комплекс

когнитивных и личностных расстройств, возникающих при опухолях мосто-мозжечкового угла, был тогда обозначен как «псевдолобный синдром» в силу его сходства с префронтальным лобным синдромом (Лурия, Мельникова, 1974). Вывод об участии мозжечка в обеспечении психических функций, сделанный по результатам одного нейропсихологического исследования, в то время звучал бы слишком радикально. Даже и сейчас, несмотря на произошедшие за 40 лет существенные изменения во взглядах на проблему «мозжечок и познание» (Зуева и др., 2002), многие специалисты не могут отказаться от классических представлений о роли мозжечка исключительно в моторной (реже сенсомоторной) сфере.

Суть вопроса о церебральной поликаузальности синдрома на современном этапе определяется более диалектичным подходом к пониманию работающего мозга. При сохранении представлений о локальных функциональных вкладах отдельных мозговых структур в психику и поведение внимание уделяется межструктурным взаимодействиям. Наблюдение за ними стало возможным в связи с появлением нейровизуализационных технологий регистрации целенаправленной активности человека. В частности, анатомически и функционально был выделен лобно-мосто-мозжечковый путь. И теперь нет ничего удивительного в том, что при опухолях или инфарктах мозжечка возникает своеобразная «калька» лобного синдрома. Идентичность синдромов при поражении мозговых структур, функционально связанных, но отстоящих далеко друг от друга на карте мозга, открывает фантастические перспективы развития нейронауки. Именно А.Р. Лурия оставил за собой авторское право на термин «псевдолобный синдром».

Всему сказанному соответствует и создание почти в это же время концепции трех функциональных блоков мозга (Лурия, 1973). Именно в этой концепции задан путь движения нейропсихологической мысли. Можно полагать, что, соединив афазии в два класса, а также сгруппировав структуры мозга в три разноуровневых конструкта, А.Р. Лурия отошел от принципа локализации, представленного в его предшествующих работах как НПФ. В концепции трех блоков НПФ теряет четкие очертания и утрачивает важную (особенно для решения практических задач) специфику. Но А.Р. Лурия не становится при этом эквиваленталистом, структурно-функциональные элементы ВПФ и представления об их локализации в мозгу никуда не исчезают. Они лишь иначе осмысливаются как ранее выделенные частные «темы» в целостной «партитуре» ВПФ. Тем самым подчеркивается своеобразная виртуальность присутствия НПФ в церебральной ткани. НПФ может быть рассмотрен в более узком или более широком масштабе включенности в психику. Например, один и тот же НПФ, связанный с работой заднелобных отделов левого полушария мозга, относится либо к «моторным образам слова» (у сторонников локализационизма), либо

к кинетическому обеспечению речевой моторики (Лурия, 1969), либо к построению «схемы последовательности речевого высказывания» (в его синтагматическом строении — см.: Лурия, 1979, с. 305).

Таким образом, конкретное содержательное наполнение понятия НПФ, его более общий или более частный характер в отношении пространства психической деятельности человека зависят от концептуальных представлений о психике и о структурно-функциональной конструкции мозга.

Особое место в работах А.Р. Лурия уделено фактору пространственного анализа и синтеза. Этот НПФ так же многослоен (будучи связан с активностью зоны ТПО, являющейся ассоциативной), как и фактор произвольной регуляции психической деятельности, соотносимый с префронтальными отделами мозга. Однако если о структурных составляющих (субфакторах) последнего многое известно, то пространственный анализ и синтез до настоящего времени недостаточно конкретизированы, а имеющиеся данные о симптомах при нарушении этого НПФ слабо интегрированы, что препятствует разработке синдромов, относящихся к зоне ТПО.

НПФ пространственного анализа и синтеза А.Р. Лурия называет «пространственным», а иногда акцентирует внимание на зрительной модальности и говорит об оптико-пространственном факторе. Столь же неоднозначны и указания на мозговое обеспечение этого НПФ: теменно-затылочные, затылочно-теменные или височно-теменно-затылочные отделы левого полушария мозга. Таким образом, просматривается идея полимодальности этого фактора при его «левополушарной латерализации» (Лурия, 1969, с. 156).

Однако нельзя исключить надмодальную сущность этого фактора в психическом отражении, поскольку А.Р. Лурия неоднократно подчеркивает его ролевой статус, говорит о «синтезе синтезов» или о «симультанности», характеризуя последнюю (вслед за Петцлем) как «превращение последовательного обозрения в одновременную обозримость» (там же). Можно думать и о другом содержании слова «симультанность» в ракурсе тесной связи между «нарушениями гнозиса, семантической стороны речи и ее логико-грамматической структуры» (Лурия, 1979, с. 223). Сказанное о пространственном факторе недостаточно раскрывает сложный по своему составу комплекс субфакторов, входящих в пространственный анализ и синтез. Парадоксально, но именно этому НПФ в текстах А.Р. Лурия уделено совсем немного страниц. Однако представленные на этих страницах идеи о восприятии человеком пространства и (отдельно!) о пространственной организации деятельности, о несимметричности пространства в его геометрических координатах, о вариантах пространственных апрактакнозий, о важности соединения зрительного, кинестетического и вестибулярного (движения головы и глаз) компонентов для раннего онтогенеза отражают многоаспект-

ность содержания пространственного НПФ. Кроме того, отчетливо представлен авторский рефрен о необходимости исследовать синдромы «при различных по локализации поражениях этих (названных выше. — *Н.К.*) отделов мозга и изучить те факторы, которые лежат в их основе» (Лурия, 1969, с. 160).

В последние годы отмечается значительный рост интереса к роли пространственных параметров в человеческом мировосприятии, в частности к культурогенезу представлений о пространстве, сведениям об их архетипичности, к (возможно) генетически заложенным паттернам, объективированным в системе координат и в соответствующих номинациях (Подосинов, 1999). Интересно размышляют о пространстве филологи и лингвисты, пытаясь отразить глобальные процессы категоризации мира в их значении для овладения пространством вещей и явлений в становлении познавательных возможностей индивида и общества, в онтогенезе памяти и мышления (подробнее см.: Кубрякова, 1997).

Осторожная лурьевская формулировка «квазипространство» в отношении внутренней организации индивидуального опыта при описании такой ВПФ, как речь в структурных взаимосвязях ее «узлов» и кодов языка (например, «семантические поля»), в настоящее время утратила метафоричность. Слово «пространство» используется психологами и психоаналитиками в его прямом значении. Свободно говорится о субъективной «географии внутреннего мира» (Широкова, 2005), о «трехмерном пространстве личности» (Братусь, 1996).

Немаловажно, что создается язык описания пространства психики (Кубрякова, 1997) в соединении геометрического подхода И. Ньютона с тезисом Г. Лейбница о пространстве как о порядке сосуществования вещей. Уточняется, что пространство — это всегда целостность в совокупности частей. Дается определение формы объекта как «топологически замкнутой части пространства в виде особого тела»; подчеркивается динамичность пространства на примере локализации и перемещения не только объектов, но и места явления или действия; вводится дихотомия ментальное/физическое пространство (Кубрякова, 1997; Широкова, 2005).

В нейропсихологии на данный момент также накоплено большое количество сообщений о нарушении разнообразных пространственных параметров при решении различных задач пациентами с поражением правой гемисферы. Изложение и систематизация этих данных должны стать предметом специальной работы в качестве одной из первоочередных задач в разработке внутренней структуры пространственного НПФ. Однако для решения этой задачи, как и для дальнейшего проведения клинико-психологических и модельных экспериментов, необходимо определить основные аспекты, в которых может быть рассмотрена представленность в психическом отражении категории «пространство» с учетом лурьевского наследия и новых информационных поступлений.

В качестве предварительных ориентировочных опор для выделения субфакторов в пространственном НПФ можно было бы предложить следующие.

Прежде всего, следуя за А.Р. Лурия, надо разделить гнозис пространства и выполнение деятельности по решению задач, основанных на операциях с пространственными характеристиками объектов. Важно также дифференцированно подойти к таким реалиям, как пространственные признаки (части) внутри объекта и его контуры (форма). В последнем случае могут быть отслежены динамические отношения между фигурой и фоном и в целом значение формы в предметном познании мира. Можно поставить задачу создания методического обеспечения для детального исследования восприятия пространства на основе геометрического подхода и его языка (оси координат, габариты, расстояния, их обобщение и опосредствование в вербальных и невербальных кодах на различных уровнях в познавательных процессах).

Актуальна разработка «устройства» ментального пространства. Здесь привлекают внимание понятие хронотопа, регистры и узлы представленности индивидуального опыта (непосредственные, символизированные, смысловые, эпизодические, семантические и др.). В качестве неоспорных, но важных объектов изучения ментального пространства могут выступить закрепленные в индивидуальном опыте алгоритмы регуляции деятельности. Постановка проблемы хронотопической организации ментального пространства корреспондирует с такими метафорами, как «масштаб личности», и сочетается с лурьевским наименованием второго функционального блока мозга в части «хранение информации».

В ответ на такие новые направления в клинической психологии, как психология телесности и психосоматика, представляется адекватным целенаправленное рассмотрение пространственных составляющих соматогнозиса в его мозговой организации в сравнительных онтогенетических и этнокультурных подходах.

Основная идея, позволяющая обобщить сказанное, состоит в том, чтобы минимизировать изучение представленности сенсорных модальностей в пространственном НПФ, показать его «сквозное» системообразующее значение для психики и поведения в целом. «Восприятие пространственных отношений и ориентация в пространстве являются одной из самых комплексных по *своему составу* форм отражения» (Лурия, 1969; курсив мой. — Н.К.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братусь Б.С. Душа и пространство нормы // Энергия. 1996. № 7. С. 39—46.
Зуева Ю.В., Корсакова Н.К., Калашникова Л.А. Нарушение когнитивных функций при изолированных инфарктах мозжечка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2002. № 2. С. 36—48.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 1997. Т. 56. № 3. С. 22—31.

Лурия А.Р. Лобные доли и регуляция поведения // Лобные доли и регуляция психических процессов / Под ред. А.Р. Лурии, Е.Д. Хомской. М., 1966. С. 7—38.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд., доп. М., 1969.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.

Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. Нарушение памяти при локальных поражениях мозга. Т. 1. М., 1974.

Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979.

Лурия А.Р., Мельникова Т.В. О вторичном лобном синдроме при поражениях задней черепной ямки: (К вопросу об использовании регулирующей роли речи для возможностей дифференциального диагноза псевдолобного и лобного синдромов) // Вопр. нейрохирургии. 1974. № 4. С. 56—60.

Микадзе Ю.В., Скворцов А.А. Понятие «фактор» в работах А.Р. Лурии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 2. С. 104—108; Комментарии рецензентов. С. 109—113.

Московичюте Л.И., Смирнов Н.А., Умрихин А.К., Филатов Ю.М. Клинические синдромы АВА теменных долей мозга // Сосудистые заболевания нервной системы / Под ред. Е.И. Гусева. М., 1980. С. 193—197.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Широкова О.С. Алиса и поиск утраченного пространства // Моск. психотерап. журн. 2005. № 1. С. 111—123.